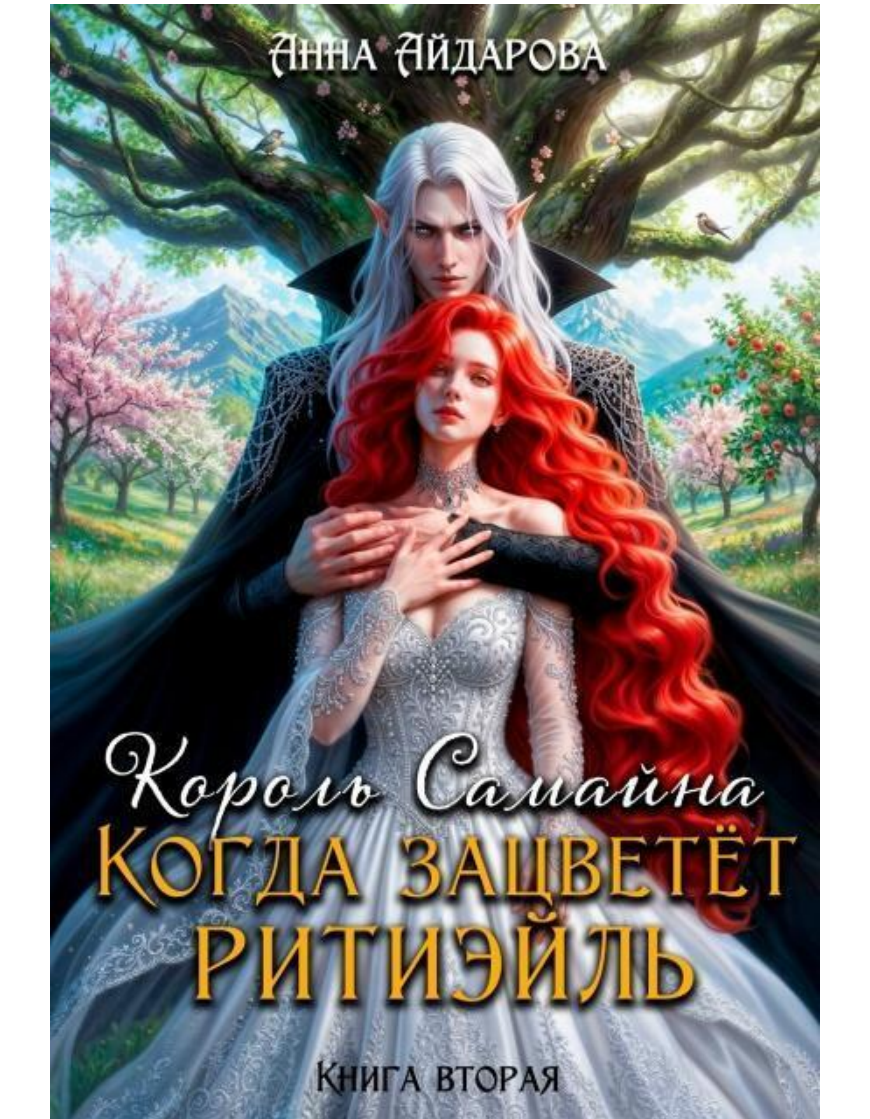

A detailed illustration of a man and a woman in a fantastical setting. The man, with long white hair and pointed ears, wears a black cape and holds the woman. The woman has long, flowing red hair and wears an ornate silver dress. They are standing in a lush landscape with large trees, pink blossoms, and mountains in the background. The title and author's name are overlaid on the image.

АННА АЙДАРОВА

Король Самайна
КОГДА ЗАЦВЕТЁТ
РИТИЭЙЛЬ

КНИГА ВТОРАЯ

Анна Айдарова

Король Самайна. Когда зацветет ритиэйль

<https://litres.ru/74385838>

Аннотация

Он обещал мне защиту. Клялся, что никто и никогда не причинит мне зла. Что его мир станет моим домом. Я поверила. Я построила замок своей надежды на его словах.

Но однажды я задала простой вопрос. И прежде чем ответить, Король Самайна отвел глаза.

Как жить дальше, когда тот, кто учил тебя доверять, становится новой угрозой? И есть ли смысл бороться за будущее, если тот, ради которого ты готова умереть, возможно, уже выбрал цену — твою жизнь, — которую готов заплатить?

Добро пожаловать в мир, где любовь острее клинка, а самая горькая магия рождается из предательства.

Эта книга - второй том дилогии "Король Самайна". Первую часть (бесплатно до завершения цикла) можно прочесть здесь:

Содержание

Часть первая. Возвращение	4
Глава 2.	10
Глава 3.	15
Глава 4.	24
Глава 5.	28
Часть вторая. Охота и охотник	34
Глава 7.	42
Глава 8.	47
Глава 9.	51
Глава 10.	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Часть первая. Возвращение

Глава 1.

Мир вывернулся наизнанку.

На секунду — темнота, холод, чувство падения, будто я проваливаюсь в пропасть. А потом — свет. Золотой, мягкий, пробивающийся сквозь туман.

В лесу барьер преодолевать было проще, но я обрадовалась, что в итоге мы оказались в пригороде, на перекрестке, у фонаря.

— Пойдем, нам не очень далеко. Прогуляемся.

Меня немного подташнивало, и это было странно. Каждый переход из мира фэйри в мир людей был для меня некомфортным, но не настолько. К тому же обычно мы останавливались и мне давали прийти в себя, перестроиться. Сейчас эльф не намеревался ждать, и мне пришлось подчиниться.

Сквер, в котором мы вышли из портала, скоро закончился. Мы оказались на городской улице, не слишком оживленной, с привычными кафе, магазинами, освещенными витринами. Я вдыхала родные запахи машин, смога, колючего снега и радовалась как ребенок.

Район, судя по хорошо одетым людям (Господи, как хорошо, что их было немного, я вздрагивала и пугалась чуть ли не каждого встречного!), стильным магазинчикам, доро-

гим машинам, был престижный, напоминал мне Лондон (не может быть!) и узнать, что мы здесь делаем, мне хотелось, конечно, но не особо. Я вдруг поняла, что не хочу ничего. Вообще.

Наконец, мы свернули к комплексу, обнесенному высокими кованными решетками. И камеры, и табличка «Private Property» на воротах. Ворота распахнулись, стоило Эйрнану подойти, он пропустил меня вперед и вошел следом. Несколько таунхаусов, расположенных полукругом, образовывали красивый архитектурный ансамбль. В центре — фонтан, не действующий по зимнему времени, но изящный и воздушный, по периметру — подстриженные кусты. Всё тихо, чисто, дорого.

Небольшой домик позади оказался вотчиной консьержа. Меня опять пропустили вперед, в светлый чистый мир дорогих домов, стиля, роскоши. Пожилой смотритель приветливо улыбнулся. Он видел, насколько мне не по себе здесь, и конечно моментально оценил мою одежду, только мне казавшуюся дорогой и стильной. Но не подал вида.

— Доброй ночи, мистер Андерс, рад видеть вас в добром здравии, — проговорил он, выходя к своей стойке. — Я как чувствовал, что вы приедете, вчера был заказан клининг. Так что ваши апартаменты полностью готовы, сэр. Рад вашему возвращению.

Консьерж доставал ключи, Эйрнан вполне доброжелательно улыбался, обмениваясь с ним дежурными фразами, я

старалась сделать вид, что все нормально и вообще ничего не происходит. Вот вообще ничего.

Потом мы прошли к одному из домов. Мраморный холл, свежесть, живые цветы, лифт... Я не спала, точно лифт.

Я смотрела на своё отражение в зеркальных панелях лифта. Уставшее лицо, растрёпанные волосы, чужая одежда. Я выглядела здесь так же нелепо, как бродяжка во дворце королевы.

Лифт мягко остановился. Мы вышли в коридор — узкий, с ковровой дорожкой и несколькими дверями. Тирн направился к дальней.

Он приложил палец к сенсорной панели. Дверь бесшумно открылась.

И так же бесшумно закрылась за моей спиной.

Я ожидала чего-то... другого. Может быть, темноты. Может быть, той же холодной пустоты, что и в особняке. Но здесь было иначе.

Большая комната, залитая мягким светом. Высокие потолки, панорамные окна, за которыми — такой родной городской пейзаж. Мебели мало, но каждая вещь выглядит дорогой и продуманной. Диван, кресло, низкий столик. На стенах — картины. И плазма.

Я сделала шаг вперед. Пол под ногами был тёплым. В углу комнаты — камин. Настоящий, с дровами, которые, казалось, ждали только команды, чтобы загореться.

— Располагайся. Там спальня, — он толкнул одну из две-

рей. — Там столовая. Следом мой кабинет. И самая крайняя дверь — кухня. Ты какую пиццу предпочитаешь?

Пиццу... да мне бы вообще осознать, что я не сплю, а он — пиццу!

— Ты вообще кто такой? — задала я самый тупой вопрос, но мне реально больше ни о чем не получалось подумать.

— Король Дикой охоты, лорд разоренного дома, охотник королевы, — этого тебе вполне хватит.

— Король Дикой охоты не живет в апартаментах в стиле хай тек. А лорд неблаготного двора не может заказывать пиццу, — пробормотала я.

— Да? Не замечал пока таких ограничений. Не хочешь пиццу, закажем ростбиф. Здесь рядом чудесный ресторан, повар отличный.

— Повар... ресторан...

— Ну так что? Пиццу? Или закажем приличный ужин?

Я только махнула рукой.

— Тогда будешь есть, что привезут, — пригрозил эльф. — Спальня там, располагайся пока. И я сплю на левой части кровати.

Я осматривалась, слушая, как он говорит по телефону, как включил телевизор, поставив громкость на едва слышный минимум.

— Гвен, отомри уже! Мне же надо где-то жить, когда я на земле, — спокойно пояснил он, заходя в спальню. — Ужин скоро привезут. Ты в душ пойдешь?

— А? Нет, я потом...

— Хорошо, — ответил эльф и полез в шкаф. — Полотенца здесь, выберешь для себя сама.

Он переоделся в земную одежду, потом ушел в ванную (стильная плитка, душевая кабина, много света, блеска и хромированных деталей). Как будто так и надо. Как будто все само собой разумеется.

Я присела на идеально застеленную кровать. Смяла покрывало, но даже не смутилась от того, какой диссонанс внесла одним своим присутствием.

Эльф был так же органичен здесь, как и во дворце королевы, как и в своем одиноком, полузаброшенном доме. Я же в своем собственном мире чувствовала себя изгоем.

Шум воды стих, Эйрнан вскоре вернулся в спальню уже одетый в простую черную футболку без рисунка и джинсы. Волосы были мокрые, но привычно стянуты в низкий хвост.

— Все хорошо, Гвен, — он сел рядом со мной. — Мы проживем здесь пару дней, потом съездим в несколько мест. Ты ведь поможешь мне?

Я кивнула.

— Хорошо. Ты хотела бы вернуться в свой мир... насовсем?

— Еще месяц назад я бы тебе точно сказала: да, хочу. Но... этот мир мне чужой. Я не смогу здесь. Я боюсь, я вообще теперь нигде не смогу, — медленно ответила я.

Только теперь до меня начал доходить смысл старых глу-

пых сказок о волшебном мире. И о том, чего не следует желать смертным.

Эльф посмотрел на меня как-то странно, не то с грустью, не то с сожалением. А потом в дверь позвонили.

Дорогие читатели!

Данная книга - продолжение дилогии Король Самайна.

Начало истории здесь: <https://litnet.com/shrt/fBgI>

Глава 2.

Потом была ночь. Ночь, которую я боялась. Никакого желания близости у меня не было, но я точно знала — заяви Эйрнан о своих правах на меня, на эту ночь, я вряд ли бы смогла отказать. Вряд ли бы посмела даже подумать о таком варианте.

Я тихонько устроилась на правой стороне кровати и ждала. Но Эйрнан погасил общий свет, оставив только лампу со своей стороны, и лег рядом, спокойно читал и не обращал на меня внимания. А я не заметила, как заснула.

Проснулась от стога. Сначала не поняла, что меня разбудило. В спальне было темно, за окнами ещё не рассвело, а в комнате стояла такая тишина, что я слышала собственное сердце. И потом — снова.

Стон. Глухой, сдавленный, который пытались сдержать, но не получалось.

Я села на кровати. Эйрнан лежал рядом, уткнувшись лицом в подушку. Цепляясь за простыню, сминая ткань.

Я коснулась его плеча.

— Эйрнан, — позвала я тихо. — Проснись.

Он не слышал.

А потом я увидела нити. Багровые, широкие, совсем не такие, как те, что соединяли королеву и лорда Каэла, и не такие, которые появлялись между мной и ним, стоило кому-то

из нас оказаться достаточно близко друг от друга.

Багровые, пульсирующие, как живые, они словно появлялись из ниоткуда, обвивали его тело, оплетали руки, грудь, стягивались на горле, врезались в кожу, оставляя следы.

Сине-голубые нити проявились тоже, но были куда тоньше багровых.

— Эйрнан! — я трясла его за плечо, и звала, громко, настойчиво. — Проснись! Слышишь меня?!

Он вздрогнул. Вдохнул — глубоко, судорожно, будто выныривая из воды. Открыл глаза.

— Эйрнан, все хорошо? —

Он смотрел на меня долго. Секунду. Две. Три. Потом кивнул.

— Всё нормально, — его голос показался мне чужим. — Извини, что разбудил.

— Эйрнан...

— Спи, Гвен, — он сел, провёл рукой по лицу. — Спи. Я сейчас вернусь.

Я хотела спросить, что это было. Но он уже встал и вышел из спальни, бесшумно закрыв за собой дверь. Багровые нити вокруг него все еще пульсировали, но стали куда тоньше и бледнее.

Минута. Десять минут. Полчаса.

Я лежала, смотрела в потолок и считала его шаги за стеной. Я слышала, как он ходит по коридору. Потом все стихло, но эльф в спальню так и не вернулся.

Часы мигнули снова, показывая время. Четыре. Почти час, как он вышел. Встала, накинула его рубашку, которая висела на стуле, и вышла в коридор. В квартире было темно, только в одном из дальних помещений пробивался свет.

Я нашла его за столом на кухне.

Он сидел, опустив голову на сложенные руки. Рядом стакан с водой — наполовину наполненный, — и мокрое пятно на столешнице. И тонкие багровые нити вокруг.

— Эйрнан.

Он поднял голову. Молчал.

— Я не могу ничем помочь? — спросила я тихо.

— Иди спать, Гвен. На сегодня все представления закончены.

Это прозвучало грубо.

— Я не заслужила, чтобы вы меня обижали, — я очень старалась говорить спокойно. — Я всего лишь пришла спросить, не нужна ли вам. И если не нужна — отлично, тогда я пойду.

Никуда я не ушла, конечно. И сон пропал, уснуть мне теперь не удастся, и было обидно. И еще — никакой эмпатии. Надоело, правда. Сколько раз я оправдывала все его выходки... ладно, одну. Только одну. Но я ничем не заслужила такого обращения и сейчас!

— Я вижу их, — сказала я. — Я знаю, что вам больно из-за этих нитей.

Он поднял голову.

— Что ты видишь?

— Нити. Багровые. Они вокруг везде. На запястьях, на груди. На горле.

Он смотрел на меня долго.

— Значит, полукровка, — сказал он наконец. — И что еще?

— И синие нити тоже, сейчас.

Я протянула руку к нему и между нами проявилось си-не-голубое свечение.

— И между другими. Иногда вижу. И знаю, почему они связывают двоих. Или что делают, или... — я окончательно запуталась, не зная как объяснить. Мне казалось, что я стою посреди бушующего огня стихий (как бы примитивно это не звучало), самое разнообразное разных форм разных размеров разных цветов тянутся к этому огню, окружающему меня.

— Ты же их видишь?

— Что именно? — он смотрел на меня равнодушными и пустыми глазами, как тогда, в особняке... но хоть без ненависти...

— Ничего, — я опустила руку и нити, связывающие нас, стали едва видны. Но не пропали. — Багровые причиняют тебе боль. Почему?

— Мне просто напомнили еще раз кто я и кому принадлежу, — жестко оборвал он. — Синие... голубой и синий — цвета моего двора. Ты знаешь. И впредь поменьше проявляй

любопытства. Иди. Пожалуйста, иди спать. Не мучай меня еще больше. Мне нужно побыть одному. Иди.

Я ушла. Устроилась на диване в гостиной — в спальню заходить не хотела и не могла — и смотрела на тьму за окном. Тьма была везде: она проглотила дома, тротуары, фонари, снег, небо — все, полностью, и подбиралась все ближе и ближе, сливаясь с миром, превращая его в нереальный морок тяжелого сна.

Глава 3.

Я не помнил, сколько прошло времени.

Дни? Недели? Месяцы? Время потеряло для меня смысл. Были только боль — и ожидание. Чего? Смерти? Освобождения? Я уже не помню, чего хотел в начале. Но очень скоро все мои желания свелись к одному: чтобы это кончилось.

Железо.

Широкие обручи на запястьях, на щиколотках, на шее, на груди. Врезаются в кожу, жгут, не дают забыться даже на секунду. Магия во мне сворачивается, шипит, как саламандра на огне. Я чувствую, как я умираю. Каждый день. Каждый час. Каждую секунду. Схожу с ума от боли. И не остается больше сил терпеть.

Подвал. Сырость. Запах гнили и моей собственной крови. Я сижу, прислонившись к стене, и смотрю в потолок. Там нет ничего. Только камень. Только тьма.

Иногда они приходят. Проверяют, жив ли я. Спрашивают что-то — я не отвечаю. Английский? Французский? Иное какое-то наречие людей? Я давно перестал различать. Удары, которых я почти не чувствую. И снова вопросы. Пока я не перестану реагировать совсем.

Иногда я думаю о Меривель.

Нет, не о той, что стала королевой. О той, другой. Которая смеялась, запрокинув голову, и чьи волосы пахли зимними

цветами. Которая говорила, что я — её скала, её опора, её будущее.

Я был дураком.

Я думал, она предложила мне свое сердце из расчёта. Из политической выгоды. Я думал, она поймёт отказ, потому что она умна. Потому что она ставит разум выше чувств.

Я не учёл двух вещей. Она была девушкой. И она была влюблена.

Влюблённая женщина не прощает отказа.

Я усмехаюсь — и морщусь от боли. Губы разбиты, покрыты запекшейся коркой, которая при малейшем движении трескается.

Гарнизоны королевы покинули мои земли. Грань истончилась. Люди пришли с железом и огнём. Мои вассалы погибли один за другим, а я не мог им помочь. Меня обвинили в измене. Двор Зимнего Сна перестал существовать. Замок пал. Земли были выжжены и разорены. Ритиэйль, что цвели там, где ступала нога наследника, засохли за одну ночь.

А я оказался здесь. В железной клетке. Потому что те, кто обещал помощь, предали. Или погибли.

Я закрываю глаза. Забыться. Хоть немного. Но это невозможно. Мне никуда не деться от памяти. И от боли. От постоянной, сводящей с ума боли.

Однажды раздались шаги — тяжёлые, неторопливые. Несколько человек. Останавливаются перед дверью. Лязг за-

сова. Свет — резкий, масляный, от факела — бьёт по глазам, и я щурюсь, но нет сил даже отвернуться.

— Ебать, ещё жив, — говорит кто-то. Голос равнодушный, будничный, будто он разочарован. — А я думал, уже всё, догнил.

— Повезло уёбку, — отвечает второй. — Только нам теперь с ним возиться.

— Да похер, заплачено. Давай, помогай, я один что ли буду тут теперь корячиться? — зло говорит кто-то третий.

Рывком, не церемонясь, чьи-то руки поднимают меня. Оковы впиваются в запястья, и я сдерживаю стон, едва сдерживаю, из последних сил. Чертова гордость, но я лучше сдохну, чем доставлю им удовольствие.

— Смотри, дергается ещё, — первый пинает меня в бок. — Крепкий, сука.

— Сколько он уже здесь? — спрашивает второй.

— А хрен его знает. Я заступил месяц назад, он уже был здесь. Ну и воняет, бля... — первый отворачивается, сплёвывает. — Поднимайся, падаль, клиент ждёт.

— Он точно не сдохнет?

И снова пинает меня, теперь в голень. Я сжимаю зубы.

— Слышь, ты, эльфийская рожа. Скажи что-нибудь, чтобы этот сосунок отъебался.

Я молчу.

— Немая падаль, — второй сплёвывает мне под ноги. — Да похер. Грузим.

Меня хватают за ошейник, как мешок. Волокут по каменной кладке — сам я не успеваю за моими мучителями.

Холод — резкий, зимний — бьёт в лицо, и я делаю вдох, глубокий, жадный, как будто в первый раз. И задыхаюсь. Снег слепит глаза. Я не видел света так долго, что он кажется мне огнём. Тошнит от свежего воздуха, от малейшего движения.

Где-то в стороне еще один голос, совсем молодой, бормочет:

— А кто за него заплатил-то? Столько монет отвалил...

— А тебе какая разница? — рывкает первый. — Дело делай, пасть закрой.

— Да я ничего... — бормочет тот. — Просто... он же эльф. Кому он нахер сдался?

— Тому, кто золотом платит, — второй хватает меня за волосы, запрокидывает голову. Свет факела бьёт в глаза. Я почти не могу стоять, но он держит крепко. — Смотри, запомни: ты ничего не видел. Никого не было. Понял, щенок?

— Понял, понял...

Меня бросают на дно повозки. Железных обручей нет, но руки накрепко связаны за спиной. Кто-то накрывает меня рогожей — пахнет конским потом и гнилой соломой. Так нестерпимо мерзко, что меня рвет прямо на мокрую холодную солому.

— Трогай, — командует кто-то.

Повозка дёргается. Я лежу, глядя в темноту сквозь дыры

в мешковине, и чувствую, как раны продолжает жечь. Но теперь — слабее. Почти терпимо. И я уже почти ничего не чувствую.

Дорога занимает много времени. Или немного? Я потерял счёт.

Кормят какой-то жижей, насильно. Видно, и правда заплатили хорошо... только бесполезно. Мне так плохо, что проглотить это месиво сил почти нет. Я не различаю даже день ли вокруг, ночь ли, где я.

Потом — снова подвал. Но другой. Суше. Чище. Пахнет не гнилью, а камнем и холодом. Я не знаю, где я. Но чувствую магию. То, что я в своем мире снова становится однажды очевидно.

Я успеваю забыть, как выглядит свет. Успеваю привыкнуть к новому подвалу, к новым цепям, к новой боли. Я почти научился не думать. Отключиться. Стать камнем.

А потом открывается дверь, и я слышу шаги. Лёгкие, почти невесомые. И звон колокольчиков.

Меривель.

Она останавливается на пороге, смотрит на меня. Сверху вниз. С легкой, брезгливой улыбкой.

— Жив, — говорит она. — А я уж думала, не успею.

Я молчу. Говорить не о чем.

— Ты не рад меня видеть, Эйрнан? — она наклоняет голову, притворно-печально. — А я так старалась. Нашла те-

бя. Выкупила у этих... дикарей. Ты даже не представляешь, сколько они запросили.

Я смотрю на неё. В голове — пустота. Только боль и железо.

— Зачем? — спрашиваю. Голос хриплый, чужой. Я не узнаю его.

— Зачем? — она смеётся. — Ты ещё спрашиваешь? Ты мой, Эйрнан. Всегда был моим. Просто иногда забывал об этом.

Она делает шаг вперёд, и я чувствую её запах — сладкий, цветочный, удушающий. Так пахнут ночные фиалки. И смерть.

— Ну как? — участливо говорит она и протягивает руку, едва касаясь моей щеки. — Ты жив, это главное. Хоть ты и мятежный лорд, но... помня нашу старую дружбу...

Она снова смеется.

— Я и не ожидала, что буду так рада тебя увидеть. А ты, мой милый?

— Это ты...

Я не спрашиваю. Я вдруг понимаю, что все невероятные мысли о предательстве и странных стечениях обстоятельств — вовсе не такие уж невероятные и сводятся к одному источнику.

— Много же тебе потребовалось времени, чтобы догадаться. Зря отец называл тебя умнейшим из бессмертных, зря хотел нашей свадьбы. Такой зять ему бы не понравился.

Она склоняется ко мне совсем близко.

— Я не злопамятна, Эйрнан. А вот хорошее помню. Приноси мне новую клятву. И я приму ее. Будешь служить мне. И я позволю тебе жить.

— Позволишь жить? — переспрашиваю я. — Ты уже позволила. Я здесь. В твоей тюрьме.

— В моём дворце, — поправляет она. — Будешь жить во дворце. Иногда — выходить на охоту. У тебя будет кров, одежда, даже слуги, если захочешь. Всё, кроме свободы.

— А если откажусь?

Она улыбается. Она улыбается как всегда, но за нежностью я вижу хищный яд.

— Тогда ты останешься здесь. На много лет. Я не казню тебя, Эйрнан. Это было бы слишком милосердно. Ты будешь сидеть в этой камере, без магии, без света, без надежды. И будешь помнить, что сам выбрал это. Каждый день. Каждый час. Каждую секунду своей бесконечной жизни.

Я закрываю глаза.

Она не лжет. Я знаю её. Она будет ждать. Десять лет. Сто лет. Столько, сколько понадобится. Потому что её терпение — это часть игры. И она всегда выигрывает.

— Да, — говорю я. — Но я хочу плату.

— Торговаться имеет смысл там, где ты можешь заплатить, Эйре. Здесь же не тот случай, — нежно улыбается королева. — Или я чего-то не знаю?

— Ты хочешь моей клятвы? Я дам. Ты заплатишь в обмен.

Она смеется, глядя на меня. Но спрашивает цену.

— Те, кто служил мне. Те, кто жив...

— Они принесли клятву мне, Тирн. Ты ведь больше не владыка холма.

— Все?

— Нет. Горстка принципиальных глупцов всегда найдет-
ся, мой дорогой. Так чего ты хочешь?

— Ты отпустишь их. Дашь возможность покинуть твои
земли. Не будешь преследовать. Забудешь об их существо-
вании. И тогда ты получишь мою клятву.

— Не много ли просишь, Эйрнан? — неожиданно зло
спрашивает девушка, которую я всегда считал милой и неж-
ной.

Не много. Меривель заплатила бы и больше.

— Дай мне свое слово, и я принесу клятву, — повторяю я.

— Я принимаю твою цену, — отвечает королева. — Кля-
нешься ли ты?

— Да.

— Громче, — требует Меривель. — И смотри на меня.
Хочу видеть твои глаза, когда ты будешь клясться.

Я поднимаю голову. Смотрю на неё — прекрасную, холод-
ную, чужую.

— Я согласен, — повторяю громче. — Я клянусь служить
тебе. Верно. До конца.

— Я не слышу твоих слов. Громче, Эйрнан Ан Тирн.

— Я клянусь, — повторяю я.

Она удовлетворенно кивает. И воздух вокруг начинает сгущаться.

Я чувствую это раньше, чем вижу. Магия — ее магия, липкая, как смола. Она обволакивает меня, проникает под кожу, находит то, что осталось от моей силы, и сжимает.

От моей королевы ко мне тянутся тонкие магические нити, обвивают запястья, щиколотки, шею. Ложатся поверх старых шрамов от железных оков.

— Это, — говорит Меривель, — чтобы ты всегда мог вовремя вспомнить, кому служишь.

Нити сжимаются.

Я не могу сдержать крика.

А она смотрит. Улыбается. С наслаждением слушает, как я захлебываюсь в боли и крике. А когда всё заканчивается, наклоняется и говорит почти ласково:

— Добро пожаловать домой, мой верный охотник.

Я лежу на каменном полу, мокрый от пота, в собственной крови и рвоте, с багровыми клеймами, выжженными по ее прихоти. Я больше никогда не буду свободен.

Глава 4.

Я сбился со счета. Я не хочу считать. И не хочу помнить.

Но кто-то вцепляется в мое плечо и трясет, настойчиво зовя меня по имени.

Ночь. Лондон. Квартира.

Я просыпаюсь от крика.

Моего крика.

Сердце колотится где-то в горле, лоб мокрый, простыня сбилась. Я сажусь на кровати, тяжело дышу, и чувствую — багровые нити пульсируют. Меривель напомнила. Снова.

Встаю, иду на кухню, наливаю воды. Надо успокоиться. Или хотя бы попытаться.

Руки дрожат. Я сжимаю стакан, смотрю на свои руки. Сколько раз они сжимали меч? Сколько раз — хотели бы сжать её горло?

Сейчас хочу только тишины.

Но слышу шаги. Лёгкие, неуверенные. Останавливается в дверях.

«Эйрнан».

Я не оборачиваюсь. Не могу. Если я посмотрю на неё сейчас — и увижу в её глазах жалость?.. А жалость я не вынесу. Жалость — это то, что Меривель чувствовала, глядя на меня в подвале. Жалость — это оружие. От меня и так почти ничего не осталось. Я не могу больше.

Оковы моей клятвы снова сжимаются.

Кричать нельзя.

Потом боль становится терпимой. И я наконец могу произнести несколько слов:

«Иди спать, Гвен. На сегодня представления закончены».

Но она все равно остается. Я слышу её дыхание, запах — травы, дым, что-то тёплое, человеческое. Иное.

«Я не заслужила, чтобы вы меня обижали. Я всего лишь пришла спросить, не нужна ли вам».

Обижена. Я резко оборачиваюсь. Хочу сказать ей: не нужна. Никогда не была нужна. Убирайся, пока я не сказал что-то, о чём пожалею через минуту.

Горло опять сдавливают. Сильно и властно. От боли я готов выть. Умолять, чтобы все это прекратилось.

Девочка смотрит на меня. С вызовом и испугом. И боится она за меня. Это хуже жалости.

А потом разворачивается и уходит.

Я остаюсь один. Смотрю на дверь, за которой она скрылась.

«Представлений больше не будет», — говорю я в пустоту. Голос звучит неестественно, тяжело.

Я нарушил приказ. Глупо. Опасно. Безумно.

Но когда она стояла передо мной — испуганная, растерянная, рыдающая от безысходности и страха, с багровым следом от пощёчины — я не мог оставить её там. Не мог позволить им прикоснуться к ней. Не мог смотреть, как над её ду-

шой будут издеваться, резать на кусочки, как когда-то мою.

Меривель отдавала распоряжение Гвен, напоминая и мне, и ей, кто здесь реальный хозяин. Наверное, улыбалась. Хотела, чтобы я сорвался? Чтобы дал ей повод?

Я сделал единственное, что мог.

Не позволил этому случиться.

Не потому что... ревновал. Не потому что хочу её для себя. Хотя и это тоже.

А потому что я знаю, что значит «прислуживать» в постели королевских лордов. Я знаю, как они ломают. Как вынимают душу по кусочкам, улыбаясь и говоря комплименты. Как после этого остаётся пустая оболочка, которая умеет только улыбаться в ответ и делать то, что велят.

Я не хочу, чтобы Гвен стала такой.

Я не хочу смотреть, как её ломают так же, как ломали меня.

Пусть Меривель делает со мной что хочет. Пусть нити моей клятвы сжимаются до тех пор, пока я не закричу. Пусть напоминает мне каждую секунду, кто я и кому принадлежу.

Но Гвен я не отдам.

Она — последнее, что напоминает мне, что я — это всё ещё я.

Не пёс. Не охотник. Не собственность.

Эта ночь станет моей пыткой.

Прости меня, Гвен. Я не могу, не хочу чтобы ты это видела.

Я сижу в темноте, смотрю на закрытую дверь, за которой она скрылась.

Клятва жжет, больно, но терпимо. Пока еще можно молчать, сжимать ладони в кулаки и молчать.

Я не хочу, чтобы она видела меня таким. Не хочу, чтобы она смотрела на меня с жалостью.

В квартире тихо. Заснула?

Надеюсь. И это единственное, что имеет значение.

Глава 5.

Я проснулась от света.

Солнце било в незашторенные окна, и я не сразу поняла, где я. В квартире было тихо, плед почти сполз на пол, я потянулась поднять его, и только тогда окончательно проснулась.

Гостиная. Значит, вчера мне ничего не приснилось. Правда, пледа в той реальности тоже не было. Значит...

Ничего это не значит. Но если это была попытка извиниться за грубость — примем. У меня все равно нет выбора. Я просто не хочу выбирать.

Я выглядываю в окно еще раз. Красивый вид. Здесь все, даже такая мелочь как вид из окна — стильно и дорого.

Меня вдруг накрывает. Ощущение, что все происходящее — дикий, нереальный сон, что мир двоится и плывет, что я схожу с ума и сейчас перешагну границу, после которой возврата не будет. В глазах темнеет, я напрасно пытаюсь найти рукой хоть какую-нибудь опору. Бесполезно. Весь осязаемый мир тонет в какой-то вязкой мерзости, от чего меня тошнит.

— Гвен?

Голос — далёкий, словно я где-то под водой, где-то глубоко-глубоко. Я рада бы ответить, но не могу — язык не ворочается, горло пересохло.

Чувствую, как чьи-то руки подхватывают меня, не дают упасть. Или...

— Гвен, посмотри на меня.

Я открываю глаза — и наконец вижу его лицо. Встревоченный взгляд, напряженный и серьезный, но это не дает моему сознанию вернуться обратно, в вязкую муть. Эйрнан держит меня за плечи, не позволяя сползти вниз, на пол.

— Что с тобой? Ты меня слышишь?

Ответить сил нет, даже головой мотнуть — та еще проблема. Мир кружится, пытаюсь провалиться в воронку.

Эйрнан вроде что-то еще говорит, я не могу разобрать. Меня тошнит, во рту сохнет, и перед глазами всё плывет. Эльф наконец оставляет попытки быть услышанным, подхватывает меня на руки — легко, будто я ничего не вешу, — и куда-то несет. От ощущения движения мне еще хуже. Тошнота накатывает волнами, с каждым разом все сильнее.

Я чувствую опору и тут же меня сгибает пополам — желудок отзывается резкой болью, и я понимаю, что меня сейчас вывернет. А эльф все держит меня за плечи, не давая завалиться на бок, и что-то говорит — быстро, резко, но я так и не могу разобрать слов.

Меня рвет. Прямо на его руки, на его футболку, на диван. Я пытаюсь извиниться, но перестаю видеть и понимать, что происходит. Опять рвет. И еще раз.

Немного легче становится от холода — Эйрнан осторожно вытирает мне лицо и руки мокрым полотенцем, убирает растрепавшиеся волосы и снимает испачканную одежду. Сменной у меня нет, и он приносит свою. Я тону в простор-

ной футболке, но мне становится от чего-то тепло и немного легче.

— Ложись, — говорит он. И помогает мне. Сама я никак не могу понять, что и как сделать. Голова опять кружится, перед глазами все меркнет и спазмы снова режут желудок на части.

Он снова приподнимает меня и поит какой-то горькой гадостью, которая пахнет мятой и чем-то еще, очень знакомым и родным. Горячая жидкость внезапно успокаивает все неприятные ощущения. Делаю глоток, потом еще и еще.

Он сидит рядом, держит одной рукой кружку, другой обнимает меня. А я чувствую себя уставшей, грязной, слабой — и одновременно защищенной. Странное чувство. Непривычное.

Он укрывает меня пледом и оставляет в покое. И я наконец могу закрыть глаза.

Я лежу, свернувшись калачиком, и боюсь повернуться, чтобы не закружилась голова. Я ничего не вижу — глаза открывать не хочется, от света начинает тошнить. Но я слышу его дыхание. Слышу, как Эйрнан периодически встает и ходит по комнате, как возвращается в кресло и берет свой тонкий ноутбук на колени, мягко звучат клавиши под его пальцами.

Время течет медленно, неспешно. Сквозь ресницы я вижу, как свет за окном меняется — становится ярче, потом

желтое, потом розовеет. А потом уходит совсем.

Иногда я открываю глаза. Эйрнан по-прежнему рядом. Хмурится, ноутбук на коленях, экран освещает его сосредоточенное лицо. И каждый раз, когда я пытаюсь пошевелиться, он поднимал голову.

— Всё хорошо? — спрашивает тихо.

— Да, — выдыхаю я. И снова затихаю.

— Пить хочешь?

Качаю головой. И никакой волны тошноты и боли. Неужели все закончилось?

Звонок в дверь. Эльф выходит. Я слышу приглушенные голоса, но никак не могу разобрать слов.

Он возвращается через несколько минут, садится в кресло. Смотрит в экран ноутбука, но явно думает о чем-то своем.

— Эйрнан? — зову я.

Отрывается от созерцания и смотрит на меня.

Я сажусь на диване, опираясь на подушки, и у меня это получается без всяких последствий.

— Есть хочешь? — спрашивает он.

— Немного.

Я и правда вдруг понимаю, что хочу поесть.

Он выходит из комнаты. Возвращается с чашкой. Бульон, немного мяса и овощей.

Пью медленно, маленькими глотками. Он сидит рядом, готовый в любой момент помочь.

Забирает чашку и возвращается в комнату с пакетами. Ставит на пол рядом с диваном.

— Посмотри, должно подойти.

Логотип дорогого магазина. Дорогой, покрытый глянцевой пленкой, картон. Я слезаю с дивана, сажусь на пол и нерешительно заглядываю в ближайший пакет.

Куртка. Тёмно-зеленая, пуховая. Провожу пальцами по ткани — мягкая, тёплая, приятная.

В следующем — пара свитеров. Серый и черный. Красивые.

И еще джинсы. Три пары.

В следующем пакете коробки. Я понимаю, что там обувь. Ботинки. Тёплые, на толстой подошве, с мехом внутри. И сапоги: с гладкой и тонкой подошвой. Я вопросительно смотрю на эльфа. Он пожимает плечами:

— Ездить верхом.

Киваю и заглядываю в последний большой пакет. Футболки, белье, носки и прочие мелочи.

И в самом маленьком пакете — коробка. Известный логотип. Но и так понятно, что там смартфон.

Поворачиваюсь к Эйрнану.

— Зачем?

— Тебе нужны вещи, — сказал он. — Твои не для зимы.

— А телефон?

— Чтобы ты могла позвонить.

— Кому?

— Не знаю, — он пожимает плечами. — Мне. Это необходимость здесь. Ты же понимаешь.

Я прижимаю к щеке кашемировый свитер. Он мягкий и теплый. Как взгляд, которым эльф смотрит на меня.

— А кому ТЫ принесешь меня в жертву? — медленно выговаривая каждое слово, спрашиваю я.

Я готова к любому из возможных ответов: грубому, презрительному, раздраженному, язвительному, шутливому... Только одного я не могу ни ожидать, ни предположить: что он отведет глаза.

Часть вторая. Охота и охотник

Глава 1.

Лондон остался позади — серый, мокрый, снежно-ледяной и вечно спешащий. Гвен смотрела в окно машины на проплывающие мимо улицы. И по ее лицу я никак не мог понять, о чем она думает. Грустно ли ей покидать этот город? Или наоборот, она испытывала облегчение?

Она была слишком спокойна, слишком погружена в себя. Мне это не нравилось. Так выглядит человек, который все для себя решил и определил. Только вот она позабыла сообщить мне о своем решении.

Непривычно. Неприятно. И чувство неуютности так и не покидало.

Я вёл машину так же, как делал всё остальное, — спокойно, без лишних движений. Уверенно. Да, люди называют это именно так. Гвен украдкой посматривала на меня, и старалась это делать незаметно. Что ж. Я не мешал. Хочет, чтобы ее манипуляции оставались в тайне... пусть, ладно. Правда, я предпочел бы перехватить ее взгляд, заставить посмотреть наконец-то на меня. Просто чтобы убедиться — та стена, что она так старательно возводила между нами, мною и придумана. И она просто неважно себя чувствует. Девушки периодически неважно себя чувствуют, и недомогают, и могут быть без настроения, и...

Мы выехали на трассу, и я свернул к указателю с логотипами торговых сетей. Гвен удивленно посмотрела на меня и отвернулась к окну. Ладно.

Огромный молл вынырнул из-за поворота — стекло, бетон, подсветка. Странная людская архитектура. Никак не могу привыкнуть.

— Я голоден, — сказал я, зачем-то решив пояснить ей причину остановки. — Поедим здесь?

Гвен отстраненно (или равнодушно?) кивнула. Спорить не стала. Или сил не было. Или желания? “Хочешь поесть — пойдем и поедем” — вот что я читал на ее лице. И все.

Внутри молла пахло кофе, выпечкой и кондиционером. Людей было немного: утро буднего дня, сонные продавцы, редкие посетители с тележками. Я выбрал кофейню в углу фудкорта — ту, где было меньше всего народа, зато столики стояли у панорамного окна и поодаль от остального зала.

Мы сели друг напротив друга. Себе выбрал чёрный кофе и сэндвич, Гвен пыталась отказаться — есть ей, видимо, действительно не хотелось, но я все равно заказал для нее травяной чай и круассан.

— Мы едем в Хартфордшир, — сказал я, когда официантка принесла заказ. — И я предпочел бы, чтобы ты знала, зачем.

Девушка подняла глаза. Впервые за утро смотрела на меня — спокойно, я бы даже сказал — как всегда. Но в этом

взгляде было что-то ещё. Не тревога, не отрешенность (о боги, наконец-то!), не равнодушие. Скорее усталая сосредоточенность.

Меньше всего я хотел бы видеть это. Всего несколько месяцев назад, всего пару недель назад она была живой, она чувствовала: смеялась, грустила, мечтала. Но последние несколько дней... я понимал, что с ней что-то происходит. Она словно... проснулась поутру взрослой, растеряв всю свою непосредственность.

Я не стал любить ее меньше. Напротив, почему-то эта новая Гвен вызывала во мне и новые чувства.

Но я предпочел бы знать причину такой перемены. Просто знать.

— Ты слышала о пропажах, да? — Сначала несколько фэйри на охоте. Незнатные, потому об их пропаже Меривель не сообщили. Информация о них выплыла только когда пропали еще несколько разведчиков. Граница, отношения с Благим Двором и так обострены уже не первый год. Прямых стычек нет, конечно. Но ты понимаешь, какая версия преобладала. Напряженные отношения, приграничные земли, пропажа нескольких разведчиков. Только некоторые мелочи в эту картину не укладывались. Но на них вполне можно было закрыть глаза. А потом пропал один из лордов. Ты помнишь, Меривель посещала дом, где мы жили вначале?

Гвен медленно кивнула.

— Я думала, она приезжала не из-за пропажи... ну, это

выглядело реально как предлог... Продолжай.

— Очень удачный предлог. Да, она под любым бы приехала тогда. Но пропажа ее действительно возмутила.

— Взбесила, — поправила меня Гвен, улыбнувшись.

Не сказал бы, что королева была сильно расстроена пропажей лорда Нордена, хоть и приближенного. Ее, скорее, потрясла наглость, с которой все было сделано... или взбесила... Я вряд ли бы поручился за точность воспоминаний о том дне, особенно о последних часах. Но что теперь об этом.

— Взбесила, — согласился я. — А потом ты задала вопрос о порталах, помнишь? И тогда я понял, что мне покоя не давало. Порталы. Они открывались, и мы можем это отследить. Не все, не всегда. Я могу сделать так, что определить будет невозможно. Но я сид. И если использовались порталы... и мы не видим этого... понимаешь? Круг тех, кто мог это сделать — это очень маленький круг. Я проверил. И благодаря тебе проверил все, даже те, которыми не пользуются. И стало понятно, что сил у того, кто это делал, не хватало следы замести. И следы остались. Например, ты. Открыть тот заброшенный проход хватило и крови Марка. То, что тебя приказали привезти во дворец, — это прихоть Меривель. Никто не мог это предположить. Как и то, что ты... будешь жить со мной. Как и то, что Меривель придет ко мне, заподозрив, что дело вовсе не в Благom Дворе. Ты должна была умереть там, у дольмена. И Саймон был уверен, открыв портал, что ты мертва. И не проверил. Портал ведь открыт.

— А... Лора? — тихо спросила Гвен, теребя несчастный круассан. Пока я рассказывал, она отщипывала от него по кусочку и клала на тарелку.

— Думаю, Лора тоже... мертва.

Я глотнул уже остывший кофе и поставил чашку на стол — аккуратно, почти беззвучно.

— Пропавшие здесь, на землях людей.

— Почему? — спросила она.

— Потому что здесь их искать не будут. Потому что здесь магия слабее, а спрятать можно где угодно. И потому что похититель — или похитители — точно знают, как открыть портал, через который трудно вернуться.

Гвен замерла. Думала.

— Ритуал, в котором участвовала ты, был не просто подношением. Лора и её спутник открывали проход. Тот самый, с обратной стороны которого — Хартфордшир. И я почти уверен, что похититель — либо чёрный фэйри, либо полукровка Благородного Двора, эту версию мы тоже не будем отбрасывать. Либо кто-то из своих. Предатель. И мне очень нужна твоя помощь, — продолжил я. — Если все так, как я думаю... мне нужен тот, кто не боится железа и сможет помочь. Я уверен, что похищенных не убивали. Они нужны зачем-то еще. А самое идеальное место для пленников — людное, шумное, с постоянным движением. Там, где никто не обратит внимания на странных посетителей. Торговый центр маловероятен — слишком много камер, слишком

светло. Слишком много сложностей. Что может быть еще?

— А ночной клуб? — спросила она.

— Клуб?

— Да. Дискотека. Толпа молодежи, большинство отрыгается под кайфом, или приходит выпить. Темнота, яркие вспышки, очень громкая музыка. Подвал, подсобки, закрытые VIP-зоны. Идеальное место. Там даже если и увидят, что охранники кого-то волокут — решат, что гость просто перебрал с энергетиками. Обычное дело.

— Это многое объясняет... и в целом...

— Если прятать фэйри, то лучше всего там, где никто не верит в фэйри. А в клубе ночью все либо пьяные, либо под кайфом. Никто не заметит, если кого-то проведут через чёрный ход. И магию там легче скрыть и притупить — достаточно просто добавить в оформление зала или помещений железо. Или рябину.

Я кивнул.

— Значит, клуб. Это надо проверить. Городков много, но нам не нужны все. Только более-менее крупные. Ты поможешь?

Девушка кивнула и наконец отстала от многострадального круассана.

— Заказать тебе еще что-то? — уточнил я.

Она помотала головой и поморщилась. Опять тошнит? Странно. Не должно бы...

— Ты ничего не ела в моем мире? — строго спросил я.

Она снова помотала головой. Не врала. Ладно, разберемся позже.

— Теперь одежда. В клуб в этом не пойдёшь, я правильно понимаю? .

Гвен критически посмотрела на свой свитер, джинсы, ботинки. И возражать не стала. Значит, попал.

— Ты все? Тогда пойдём. Купим тебе что-нибудь подходящее.

Она мерила платья, пока я сидел в кресле у примерочной и листал ленту новостей в телефоне. Иногда это бывает очень полезно.

Кроме платьев (одно, черное, достаточно короткое, с открытой спиной и странным поясом, имитирующим цепь, шло ей невероятно; девочка смушалась, но на этой покупке я настоял), Гвен выбрала пару странных свитеров и брюки. Вместе с консультантом они уверили меня, что более модного варианта нам не выбрать. Ну да, мода и вкус — иногда понятия несовместимые. Под новый образ подобрали обувь. Все, можно было ехать.

Мы вышли на парковку. Я завёл машину, вырулил на шоссе. Лондон таял в зеркалах заднего вида. Я смотрел вперёд, на серое небо, на мокрый асфальт автобана. Гвен сосредоточенно смотрела туда же.

— Ты не хочешь мне ничего сказать? — спросил я.

Она вздрогнула.

— Нет, — ответила она. И отвернулась.

Ну что ж.

Лондон остался позади. Впереди был Хартфордшир. И что-то подсказывало мне: этот день изменит очень многое.

Глава 7.

Мы провели в Лондоне четыре дня. Эйрнан почти все время сидел за своим ноутбуком. Правда, пару раз вытаскивал меня в парк. Явно эта вся канитель с прогулками затевалась ради меня, потому что сам он далеко от счастья не светился, когда ему приходилось покидать свое логово. Но он вытаскивал меня на прогулки. Не комментировал, но... я же все видела. Чувствовала. И теперь доверяла своей интуиции куда больше.

А я не хотела. Я не хотела выходить. Я не хотела есть. И ехать. Я вообще ничего не хотела. Замереть и оставить все так, как есть. Разве я много хотела?

Еще меня тошнило — утром совсем сильно, так, что я думала, не успею дойти до его стильной ванной.

Напряженный, какой-то просящий, взгляд сопровождал каждое мое движение. И меня это бесило. Я хотела остаться одна со своей тошнотой и со своими мыслями.

Присутствие Эйрнана даже в соседней комнате раздражало. Я не могла сосредоточиться, и все время сбивалась на мысли о нем. Совсем не к месту. Что мне об этом думать? Здесь было все понятно. Он точно знал, что меня ждет в ближайшем будущем. Знал и отводил глаза. А значит...

Мне было плохо. Очень. И еще я понимала, что то, что теперь знаю я, он тоже должен знать. Но если он еще раз от-

ведет взгляд... я не выдержу. Я просто не смогу.

Потому что одним утром (хорошо бы сказать — радостным, но...) я проснулась от мысли: я беременна. Я не была уверена, не была в сомнениях — ну как же, так похоже — и не была испугана. Я просто знала. Что только мне теперь делать с моими знаниями?

Кому нужна смертная в его мире? Так, расходный материал на прихоти королевы. Кому нужен там ребенок-полукровка? Которого я даже не смогу защитить. Остаться в моем мире? Он бы отпустил... наверное. Еще несколько дней назад я была уверена — отпустил бы. Только вернуться в мою прежнюю жизнь для меня уже не было возможным. Много причин. Слишком много. Но ведь и здесь моего ребенка не ждало ничего, кроме вынужденности скрыть, спрятать, искалечить и извратить свой дар — магию его отца. Здесь тоже никому не нужен был полукровка.

Я носила ребенка от мужчины, кого любила безумно, и сейчас еще больше, чем раньше. От того, кому не могла больше доверять.

И шла за ним. Пока можно было — быть с ним. А дальше...

Мне не было смысла жить дальше, если тот, кому я верила и кого я любила, сам отдаст меня в жертву своей королеве; мне не было смысла жить, если нельзя было верить ни его словам, ни его делам.

Я сама выбрала верить. Я сама ошиблась. А расплата те-

перь ждала двоих.

Смотреть на еду было противно, думать о ней — ещё хуже. Но в торговом центре Эйрнан заказал мне чай и круасан, и я заставляла себя отщипывать по кусочку, чтобы он не задавал лишних вопросов. Получалось плохо: крошки скапливались на тарелке, а во рту не побывало почти ничего.

Меня тошнило.

Легче, чем обычно, терпимо. Но всё равно: стоило подумывать о еде, как желудок сжимался в тугий комок, а во рту появлялся металлический привкус.

А еще меня раздражал запах кофе, которым пропах весь торговый центр. Эта странная чувствительность к запахам, и еще усталость, которая накатывала волнами... Это тоже раздражало.

В торговом центре он был странным.

Нет, не так. Он был собой. Просто в этом мире, среди людей, его «собой» выглядело иначе. Он уверенно шёл по галереям, не глядя по сторонам, но я чувствовала: он сканирует пространство. Привычка охотника. Или воина. Или того, кто слишком долго жил в клетке и теперь проверяет каждый угол.

В кофейне он выбрал столик у окна, но так, чтобы за спиной была стена, а выход — в поле зрения. Я отметила это машинально. И вдруг задалась вопросом: «Он всегда так садится?»

Наверное, да.

Эйрнан рассказывал о своих делах — а я смотрела на его руки и отщипывала кусочки от круассана.

Он говорил о пропажах, о порталах, о Саймоне и Лоре. О том, что меня должны были убить там, у дольмена. Что я — ошибка в чьём-то плане.

Я слушала и теребила круассан.

— А... Лора? — спросила я тихо.

— Думаю, Лора тоже... мертва.

Он сказал это спокойно, без жестокости, но и без попытки смягчить. И никакого сострадания. И я вдруг поняла: он не утешал. Не потому, что не хотел. А потому, что не умел. Его мир не знал утешения — только выживание.

Я смотрела на его руки, лежащие на столе. Длинные пальцы, бледная кожа, тонкие шрамы у запястий. Этими руками он убивал. Этими же руками он обнимал меня ночью.

Он рассказывал дальше — про железо, про то, что ему нужна моя помощь. Я кивнула. Конечно, я помогу. Я не могла иначе. Я не хотела выбирать между больно и больно.

И он вдруг спросил о том, что думаю я обо всей этой ситуации. И почему-то слушал и даже кивал, соглашаясь. И даже согласился с тем, что ночной клуб подходящее место... удивительно.

А потом мы пошли выбирать одежду.

Он сидел в кресле у примерочной и листал телефон, пока я мерила то, что могло подойти для посещения ночного клу-

ба. Консультантка щебетала что-то про «модный силуэт» и «акцент на талии», я кивала, не вслушиваясь. Какая на хрен разница. Только один вариант — черное короткое платье, с открытой спиной и странным поясом, похожим на цепь, вызвало у Эйрнана... удивление? Он замер. Всего на секунду. Но очень заметно. В его взгляде промелькнуло что-то... тёмное. Жадное. Почти голодное.

Платье в итоге он тоже купил, даже не спросив, понравилось ли мне.

В машине мы снова замолчали. Я смотрела на серое небо, на мокрый асфальт, на проплывающие мимо указатели. Лондон остался позади. Впереди был Хартфордшир.

— Ты не хочешь мне ничего сказать? — спросил он вдруг.

Я вздрогнула.

Сказать? Что? Что меня тошнит от запаха его кофе? Что я боюсь его реакции на новость, которую ношу под сердцем? Что я не знаю, как жить дальше, если он снова отведёт глаза?

— Нет, — ответила я. И отвернулась к окну.

Он промолчал. Только пальцы на руле сжались чуть крепче. Я видела.

Глава 8.

Гостиница в Хартфордшире оказалась небольшой, но приличной, в центре. Старое здание, перестроенное под отель, с узкими коридорами и деревянными лестницами. И пахло полиролью и чем-то цветочным, нежным, наивным.

Эйрнан выбрал номер на двоих. Одна кровать — широкая, с белоснежными простынями, белоснежными пододеяльниками, белоснежным всем среди мрачных, обшитых темными деревянными панелями стен. Обычный номер. Удобный, небольшой, но вполне достаточный. Для двоих. И одна кровать. Я старалась не думать об этом.

Темнело быстро, и, когда мы спустились в ресторан при гостинице, за окнами вовсю бушевала ночь. Свет фонарей пытался пробраться в зал, но соперничать со светом десятка люстр и ламп было бесполезно.

Зал оказался полупустым: обедали в это время лишь пара пожилых дам за дальним столиком, судя по всему, обитательницы Хартфордшира.

Одна из них, в сером платье, с ниткой жемчуга на шее, с любопытством взглянула на нас: сначала, долго, изучающе, на Эйрнана, потом ее недоумевающий взгляд соскользнул на меня. “Знали бы вы, миссис, кто составит вам компанию за обедом, буквально в трех метрах от вас,” — усмехнулась я мысленно.

За одним из столиков у окна сидел молодой мужчина с ноутбуком, отгородившись от реального мира экраном. Чашка с остывшим недопитым кофе, недовольные взгляды официантов — абсолютно все оставалось за гранью его восприятия.

Эйре и в этот раз выбрал своеобразное место: столик у окна, в самом углу. Хороший обзор, защищенная спина.

Заказал мясо и вино. Я хотела ограничиться чашкой чая — есть все так же не хотелось. Но потом передумала. Ни к чему мне его тревожные допросы — о, это он проводил мастерски, я бы все рассказала и сама бы не заметила, как. Остановилась на самом нейтральном: овощной суп и чай. Получила неодобрительный взгляд и просьбу поесть. И усмехнулась от того, что большая часть нашего диалога прошла без слов. Раньше я бы порадовалась. Счастье ведь, когда тебя понимают...

Он ел молча, глядя куда-то в пространство мимо меня. Иногда его взгляд “возвращался”, окидывая и оценивая неизменную обстановку зала. Я ковырялась в супе и мужественно пыталась проглотить хоть пару ложек.

А потом я почувствовала.

Сначала — лёгкое покалывание в кончиках пальцев. Потом — холод, пробежавший по позвоночнику. Оторвалась от супа и подняла глаза.

Эйрнан сидел, опустив голову. Руки на столешнице, глаза закрыты. Его лицо было спокойным, отрешенным и совершенным. Прекрасным. Идеальным. Со стороны могло пока-

заться, что он просто задумался.

Но я видела совсем другое.

Багровые нити Клятвы проступили вокруг его запястий, шеи, груди. Они пульсировали — медленно, ритмично, как сердцебиение. Сжимались, обвивая свою жертву тонкими, но даже на вид прочными кольцами. И с каждой пульсацией он чуть заметно вздрагивал.

Я смотрела на него и чувствовала, как у меня внутри всё сжимается. Он снова терпел. Один. Молча. Как всегда.

Я протянула руку и накрыла его ладонь своей.

Он вздрогнул и наконец-то открыл глаза. Радужки не было, одни сплошные, расширенные до максимума зрачки. Он все еще был там — в своей боли, в своей клетке, в своём бесконечном одиночестве.

Я смотрела на наши руки. Багровые нити Клятвы по-прежнему пульсировали, но теперь между ними разгоралось другое свечение. Сине-голубое. Мягкое, как зимние сумерки, и удивительно осязаемое.

“Ты выбрал синее? Ах да, цвета твоего дома ведь до сих пор не запрещены”.

“Голубой и синий — цвета моего Двора”.

Нити Клятвы дрогнули. Замедлили свой витиеватый танец. И начали бледнеть, растворяясь в голубом сиянии.

Они не исчезали сразу. Сопrotивлялись. Багровые искры то вспыхивали ярче, пробиваясь сквозь синеву, — то гасли, отступали, как волны от скалы.

Я не знала, как это работает. Не знала, что делаю. Просто держала его за руку и чувствовала, как его боль отступает.

На кухне звенела посуда, зашумела вода, приглушенные звуки гостиничного ресторана вдруг засуществовали вновь.

Эйрнан смотрел на меня пристально и тяжело. Но руки не забирал. Напротив, сжал вдруг мои пальцы.

Можно платить свою цену за любую попытку жить. Можно. Одного он не хотел принимать: быть вдвоем — не означает платить двойную цену. Это означает разделить все, от боли до радости, на двоих. И только.

Глава 9.

Моя идея с ночными клубами действительно пришлась кстати.

Вообще-то, я считала до последнего: фэйри просто сделал вид, что это неплохой вариант, и одобрил только для того, чтобы я не чувствовала себя совсем бесполезной. Но после ужина он начал собираться. И на мой удивленный вопрос, куда мы идем, не менее удивленно ответил, куда. Но хоть не грубо.

Я предпочла бы остаться в номере. Мне все больше хотелось тишины. Не получилось. Ладно раньше, я понимаю: прислуга должна выполнять распоряжения хозяина. Но вроде бы мы вполне мирно начали существовать на равных... почти...

— Гвен, хватит спать! Ты идешь со мной, и мы это не обсуждаем. Одевайся.

Вот злобное существо. Я показала ему в спину язык и поплелась одеваться.

Первый на сегодня и вообще в моей жизни клуб назывался «Подземка». Вполне себе стандартный подвал почти в центре Хартфордшира выглядел если и не роскошно, то вполне презентабельно. На входе скучал бритый охранник в черном... Такой киношный вариант охранника. Увидев нас,

он даже не попросил документы — просто скользнул взглядом по моему кавалеру, по мне и отвернулся. Обычная пара. Таких за ночь — десятки.

Внутри оказались кирпичные стены, неон, бас, от которого вибрировало в груди, а еще пахло потом, сладкими коктейлями и дым-машиной. И чем-то химическим. Полутьму прорезали вспышки разноцветного света в такт ударным.

Мы сели у бара. Себе Эйрнан заказал виски, мне — воду со льдом. Пить не хотелось, но держать стакан в руке было удобно: меньше шансов, что кто-то обратит на меня внимание. Я медленно водила пальцем по краю стекла и смотрела на танцпол.

Толпа дёргалась в такт музыке. Разноцветные вспышки выхватывали из темноты лица — молодые, пьяные, весёлые. Кто-то танцевал с бокалом в руке, кто-то обжимался в углу, а кто-то прямо на танцполе не стесняясь никого. Ничего необычного. Стандартная пятничная ночь в клубе.

Эйрнан сидел, развернувшись спиной к стойке, и смотрел на все это беснование.

Потом подозвал администратора — молодого парня с планшетом в руках и усталым лицом человека, который работает пятую ночь подряд.

— Приват на час.

Администратор посмотрел на Эйрнана — дорогая одежда, спокойный и уверенный вид. По мне он просто мазнул

взглядом. Ага, чего на меня смотреть. Бесплатное приложение к явно богатому клиенту. Как, вот как у него это получилось? В любой одежде он выглядел... дорого.

В голове у администратора пазл сложился, никакой тревоги от нас он не ощутил. Приватная комната осталась за нами. Эйрнан протянул наличные.

Нас провели в короткий коридор за сценой. Здесь музыка звучала глуше, и свет был, красноватый, неяркий, но после тьмы танцпола мне показалось, что даже перебор. Из коридора вело несколько дверей. Администратор открыл дальнюю, пропустил нас внутрь и удалился.

Комната оказалась маленькой: низкий диван, столик с бутылкой шампанского в ведёрке, пара бокалов. Огромное зеркало в полстены. Кнопка вызова. Всё такое стандартно-безликое — как в сотне других клубов.

Эйрнан окинул комнату взглядом и развернулся ко мне.

— Я пойду осмотрю служебные помещения.

— Один?

— Так быстрее. Подожди меня здесь. Если через полчаса я не вернусь — выходишь через главный вход и ждёшь в машине.

— А... ты можешь не вернуться?

Эльф одарил меня таким взглядом, что я даже порадовалась, что не ответил. Тоже мне, тайны... и чего тогда меня сюда тащил? Я хотела возразить. Но передумала. Ладно, он наверняка знал, что делал.

Я осталась одна. Присела на край дивана. Тишина. Наконец-то тишина. Откуда-то издалека доносились вибрации от ритмичной музыки, которую и музыкой-то назвать можно было с трудом. Но хотя бы неприятный сладковатый запах из зала сюда не проникал.

На двенадцатой минуте дверь открылась. Эйрнан вошёл — быстро, бесшумно, — и сел рядом.

— Пусто. Служебка, кухня, туалеты, склад. Ничего. Никаких следов, — сказал он. — И магии никакой. Даже фоновой. Обычный клуб.

Я выдохнула. И никак не могла определиться, радоваться или огорчаться.

— Тогда едем дальше? — спросила я. Оказаться на свежем февральском холоде сейчас казалось мне лучшим вариантом.

Он кивнул и поднялся.

Мы вышли из приватной комнаты. Прошли через танцпол — всё такой же гремящий, душный, полный людей. На улице нас встретил холодный ветер. Я поёжилась, и Эйрнан, не спрашивая, обнял меня. И почему-то стало теплее.

В машине он завёл мотор и повернулся ко мне:

— Ещё два клуба в этом чудесном городе. Успеем до закрытия. Ты как?

— Нормально, — ответила я. — Поехали.

Ни гигантский «Бункер», расположенный в бывшем бом-

боубежище, ни «Эйфория» — этот клуб оказался поменьше, попроще, с дешёвыми коктейлями и публикой помоложе, не принесли ничего. Мы отработали везде одну и ту же схему: бар, наблюдение, приватная комната, разведка.

Пусто. Эйрнан утверждал, что ничего подозрительного не заметил. Вероятно, он был прав, но некое странное чувство — ощущение нереальности происходящего — не покидало до последнего.

К трём часам ночи мы вернулись в гостиницу. Я скинула туфли прямо у двери и рухнула на кровать, не раздеваясь. Эйрнан сел в кресло у окна.

— Ничего, — сказала я в потолок. — Три клуба — и ничего.

— Это тоже результат, — ответил он. — Осталось проверить ещё несколько точек. Ну или это не клуб. А значит, другое место.

— Какое?

— Пока не знаю. Давай сначала отработаем одну версию здесь...

Он говорил спокойно, но я слышала в его голосе знакомые стальные нотки. Он был недоволен собой, недоволен результатами. И было это слишком очевидно.

Я села на кровати и вглядывалась в его лицо. Ладно, любовалась.

— Много клубов в этом районе?

— Много. Хуже всего то, что мы не можем точно сказать,

верна ли эта идея.

— И что делать? — тихо спросила я.

— Сейчас — спать.

— А... с этим делом?

— Проверять. Другого выхода нет.

Наверное, он был прав. Выхода все равно не было.

Глава 10.

На этот раз это был, кажется, Хитчин.

Мы побывали уже в восьми городках, и в двадцати, если не больше, клубах, и меня тошнило уже от предвкушения очередного вечера среди грохота, истеричных сполохов света и сладковатых запахов кальяна и марихуаны.

Старый центр городка — маленький, аккуратный, вылизанный, с площадью и церковью — в

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.